

Как река началась. Чувашская народная сказка

Жила–была бедная вдова с сыном Мишуком. Ютились они в старенькой избёнке, хорошо если хлеба до нового года хватало, а летом ягодами да грибами перебивались.

Как–то, после тёплого дождя, пошла старуха в лес за грибами. Ходила, ходила – ни одного гриба не нашла. «Не с пустыми же руками домой возвращаться,– подумала она.– Дай хоть хворосту наберу».

Начала собирать хворост и набрела на охапку сухого валежника. Подняла её, видит – на земле большой уж кольцом свернулся, на голове рожки желтеют.

Старуха, не мешкая, сняла передник и разостлала его рядом с ужом. Тот заполз на передник, поизвивался на нём, а потом, оставив жёлтенькие рожки, уполз в кусты.

Старуха тут же завязала узелком передник с рожками и, довольная, побежала домой. Приходит домой, рассказывает сыну о своей находке.

– Чему ты радуешься? – спросил её Мишук.– Какой в них прок?

– По молодости да по глупости ты ещё не знаешь, что вместе с этими рожками нам в дом счастье привалило,– отвечает мать.– Они же не простые, а волшебные. Положи их в сусек с зерном – сколько потом не бери, хлеб убывать не станет, в кошелёк сунешь рожки – в деньгах убыли не будет, сколько ни расходуй.

Решили они начать с денег. Достал Мишук кошелёк, пересчитал деньги. Денег было немного, всего каких–то семь рублей.

Наутро пошёл Мишук на базар. Походил по базару, к тому, другому прицениется, а тратить деньги не торопится: ну–ка истратишь, а они не восполнятся?! Потом приглядел себе сапоги со скрипом и – была не была!– отдал за них три рубля. Купил сапоги, отошёл в сторонку, заглянул в кошелёк, а там как было семь рублей, так и осталось.

На эти же семь рублей они и дом новый просторный построили, и амбар, и сарай, скотины всякой накупили. Одним словом, стали жить не хуже других деревенских богатеев. Мишук не только в праздники, но и по будням носил свои сапоги со скрипом. Парни–сверстники так и прозвали его Мишук в сапогах.

Стукнуло Мишуку двадцать лет, пора жениться. Высватала ему мать дочь богатых родителей. Свадьбу справили честь по чести.

Люди дивились: откуда у бедной вдовы и её сына взялось такое богатство. Но мать с сыном не то что чужим, своей невестке и то ничего про чудесные рожки не говорили!

Пришла зима, а зимой главное дело для девок и баб – пряденье. Села за пряжу и молодуха. Чтобы невестка напряла побольше, свекровь взяла да незаметно и сунула ей в кудель чудесные рожки. Невестка день прядёт, второй, третий, а мочка кудели не только не кончается, а даже не убывает. «Вот беда–то, – думает молодуха.– Люди смеяться начнут: одну мочку за три дня осилить не могу». И когда на четвёртый день свекровь затопила печь, а сама вышла по какой–то надобности к соседке, молодайка, недолго думая, сняла кудель с гребня и кинула её в огонь. А чтобы свекровь не догадалась, достала новую мочку.

Приходит свекровь от соседки и дивится, что дрова в печке как горели так и горят, не убывают. Пора бы уж и хлебы в печь сажать, а только как их в пламя посадишь.

– Ты, сношенька, кончила свою кудель прясть?– почуяв неладное, спросила свекровь.

– Нет, ещё не допряла,– ответила молодайка.

А время подходит к обеду. Сын домой пришёл. Печь же как топилась, так и топится, дрова всё ещё не прогорают. Тут уж и невестка что–то понимать начала и призналась:

– Я в печку кудель бросила, уж не оттого ли огонь не убывает?

– Эх, сношенька, сношенька, что ты наделала!– заголосила старуха.– Ты же погубила–разорила нас. Хватайте вёдра, таскайте воду. Тушите огонь в печи!

Сын сразу понял мать, схватил вёдра и к колодцу. Невестка тоже ему помогать принялась. Они воду таскают, а мать её в печь на огонь выливает. Лили, лили, насилу потушили. Однако огонь погас – новая напасть: полилась из печки вода. Час течёт, два, полдня течёт. Уже и избу всю залило и подворье затопило. Из избы да со двора потекла вода по овражку дальше да дальше, и с каждым часом её становилось больше и больше.

Эта–то вода, рассказывают старые люди, и дала начало большой реке, которая и по сей день течёт по чувашской земле.